

УНИВЕРСИТЕТ: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

В. НИКОЛЬСКИЙ, доцент
*Московский государственный
индустриальный университет*

Университетская автономия и академическая свобода (критический взгляд на взаимосвязь традиционных ценностей)

Университетская автономия по широко распространенному мнению считается неотъемлемой составляющей теории и практики высшего образования. В последние годы все чаще развитие автономии вузов предлагается рассматривать в качестве наиболее желательного пути развития отечественной высшей школы. Однако, не умаляя значения и ценности автономии, мы призываем к взвешенному подходу и предлагаем критически оценить аргументы в защиту университетской автономии.

В этой связи актуальным оказывается вопрос: почему государство и общество должны предоставлять вузам широкую самостоятельность? В самом деле, предоставление автономии ради самой автономии или для финансового благополучия некоторого круга лиц более чем сомнительно. Почему, в таком случае, учреждения высшего образования имеют право претендовать на особый статус, и каким образом общество может быть заинтересовано в такой автономии?

Основной теоретической проблемой здесь, по нашему убеждению, является вопрос о методологических основаниях университетской автономии. Иными словами, проблема заключается в нахождении принципа, через который потребность в автономии могла бы быть оправдана. Наиболее ярким примером подобной прагматики можно назвать документы международного права и Болонского процесса, в которых в качестве такого принципа обычно провозглашается академическая свобода как, в свою очередь, необходимое условие развития высшего образования и науки. Однако

то, что оказывается стереотипом для европейского сознания, вовсе не обязательно является универсальным законом.

Тема университетской автономии уже поднималась на страницах журнала «Высшее образование в России» [1, 2], однако мы считаем разработанность этого вопроса недостаточной и в свою очередь стремимся внести вклад в эту дискуссию. В этой связи мы предлагаем последовательно рассмотреть и критически оценить аргументы, приводимые в дебатах об автономии учреждений высшего образования. Для решения поставленной задачи необходимо, во-первых, прояснить вопрос об исторической взаимосвязи университетской автономии и академической свободы, во-вторых, выявить современные социокультурные факторы, влияющие на указанную взаимосвязь.

Генезис идеи университетской автономии. Идея университетской автономии, как известно, возникла в XII в. практически одновременно с рождением средневекового университета. Болонский университет, который имеет веские основания считаться первым, был основан в 1088 г. в качестве юридической школы, а уже в 1158 г. немецкий император Фридрих I Барбаросса даровал Болонскому университету хартию *Authentica Habita*, обеспечивавшую правовую защиту студентов. В этом документе впервые в истории была зафиксирована независимость университета от местной власти.

На первый взгляд данное обстоятельство говорит о том, что идея автономии является неотъемлемой составляющей идеи

университета как оплота знания. Однако не будем делать скорых выводов, а зададимся вопросом о генезисе идеи университетской автономии и формах, в которых она представлялась.

Средневековые университеты возникали при участии власти и поддерживались властью в течение всей своей истории, точнее, профессиональные школы смогли преобразоваться в университеты благодаря признанию властей предрешающих. Хартия, преподнесенная Болонскому университету, не была, как это может показаться, проявлением альтруизма. Император в первые годы своего правления стремился воспользоваться экономическим потенциалом и престижем университета в своей политической деятельности.

В то же самое время римские понтифики были в не меньшей степени заинтересованы в дополнительном авторитете, связанном с именем университета, что выразилось в значительной поддержке папством высшего образования. В 1231 г. папа Григорий IX издал буллу *Parens Scientiarum*, которая, по существу, явилась хартией парижского университета. Он предоставил университету папскую защиту, свободу от местной церковной и городской власти и разрешил ему принимать собственные законы для самоуправления [3]. В дальнейшем гильдия парижских ученых при поддержке папства получила еще более широкое право – *jus ubique docendi*. Эта привилегия уполномочила университет присуждать академические степени, которые бы признавались во всем христианском мире. Григорий IX первоначально предоставил это право основанному им в 1233 г. университету в Тулузе, а позднее распространил его на другие университеты, в том числе в Болонье (1291) и Париже (1292). Этот шаг имел четкое политическое значение; Папа Римский этим подчеркивал, что он и только он имеет власть в христианском мире. Для ученых же этот акт также имел далеко идущие последствия. С одной стороны, папская санкция подтверждала монополию

университетов в сфере знания, но с другой – университет оказался в оковах идеологической зависимости от церкви.

При всех национальных особенностях высшего образования, которые можно обнаружить в различных частях средневековой Европы, наиболее характерен пример Франции. В Средние века французские университеты считались независимыми от светской власти, находясь при этом под бдительной опекой католической церкви. Короли не вмешивались в жизнь университетов, лишь изредка даруя привилегии и гарантируя соблюдение прав. Однако в XVI в. «традицию своих предшественников нарушил Луи XIV, оставив за королем назначение профессоров, которые должны были давать образование по королевским распоряжениям и французским традициям» [4], а в 1762 г. при Луи XV прерогатива церкви в университетском образовании была сломлена окончательно. Из этого, к слову, следует, что известная наполеоновская модель взаимоотношений университета и государства есть не что иное, как логическое завершение абсолютистской политики централизации власти.

В этой связи следует подчеркнуть, что успех средневекового университета стал возможен не столько как результат духовных или научных достижений, сколько в силу своего значения в сложной борьбе внешних сил. Университет как социальный институт и духовный феномен родился в западноевропейской культуре в ответ на потребности в интеллектуальной поддержке политических амбиций, с одной стороны, государства, а с другой – церкви. Можно сказать, что средневековый университет получал и отстаивал автономию в качестве *привилегии*, которая могла бы обеспечить правовую, политическую, экономическую (но вовсе не академическую) независимость. Институциональное оформление университета опиралось на такие общие факторы, как стремление к коллективной организации для защиты от внешних угроз и потребность в обеспечении своих

прав через поддержку политической и/или духовной власти.

Таким образом, идея университетской автономии родилась в Средневековье в форме привилегии в ответ на вызовы со стороны властного окружения и в соответствии со стремлением обеспечить свою административную и хозяйственную независимость. Идеал академической свободы не фигурирует в эпоху ранних университетов, а потому *историческая связь институциональной автономии и академической свободы не подтверждается*.

Впрочем, если идея университетской автономии в своем первоначальном виде не предполагала защиты академической свободы, то, возможно, это произошло позже, в ходе развития высшей школы?

Научный прогресс и распространение гуманистических идеалов в эпоху Возрождения привели к созданию университетов нового типа, и в то же самое время наметилась тенденция отрыва научной подготовки и научных исследований от деятельности высших учебных заведений. В XVII–XVIII вв. появляются Лондонское королевское общество, Парижская академия наук, Петербургская академия наук и др., которые взяли на себя функции подготовки ученых и проведения научных исследований.

Привилегии же, завоеванные в нелегкой борьбе, сослужили университетам недобрую службу. В течение столетий нарастало их отчуждение от потребностей человека, общества и науки. Великие научные достижения Нового времени не имели в большинстве случаев отношения к университетам. В этой связи Лейбниц, радуя за развитие наук в Российской империи, искренне *не советовал* Петру I основывать университет.

Здесь мы видим подтверждение тезиса *об опасности институциональной автономии для академической свободы*. Дарованная средневековому университету автономия оказалась источником чрезмерного консерватизма, подавлявшего свободу научного поиска.

Переосмысление идеи университетской автономии. Отрыв научных исследований от высшего образования был преодолен, как известно, в результате университетской реформы в Германии в начале XIX в. Идеи, развитые немецкой идеалистической философией и реализованные Гумбольдтом при основании Берлинского университета, состояли, во-первых, в интеграции учебной деятельности и научных исследований, во-вторых, в свободе учить и свободе учиться, в-третьих, в утверждении фундаментального для университета значения философского факультета [5].

Участие преподавателей и студентов в свободной научной деятельности благотворно сказалось на качестве образования, а «идея университета» Гумбольдта стала образцом для систем высшего образования во всем мире. XIX век можно назвать золотым веком немецких университетов, когда процветала академическая свобода, что вызывало искреннее восхищение во многих странах, в том числе и в России. Свобода учить и свобода учиться явились гордостью немецких университетов [6].

«Понятие о высших учебных заведениях как о вершине, на которой сходится все, что делается непосредственно для моральной культуры нации, основано на их назначении, – писал Гумбольдт. – Назначение это – занятие наукой в самом глубоком и широком смысле этого слова...» [7]. Академическая свобода для немецкого философа и реформатора была фундаментальным правом, являвшимся нормой для обеспечения единства образования и научных исследований, которое, по мысли Гумбольдта, должно автоматически вести к развитию национального самосознания.

«В этот период университетская казна уже перестает быть центром университетской автономии» [8], видимо, поэтому идея университетской автономии как самоуправления у Гумбольдта практически отсутствует. Слова о том, что «всякая попытка государственного вмешательства может

только помешать развитию науки» [7] следует трактовать только в смысле независимости научного поиска. По отношению же к доминирующему в наши дни идеалу автономии как самоуправления Гумбольдт высказался вполне определенно: «Преподавателей университета должно назначать исключительно государство, и, несомненно, не стоит допускать большее влияние факультетов на этот процесс, чем представил бы им опытный и рассудительный попечительский совет» [Там же].

Либеральные идеи Гумбольдта, собственно, ограничивались персональной свободой университетского преподавателя, и только в научной сфере. Опираясь на слова немецкого реформатора, многие делают поспешные выводы о резком неприятии им государственного управления высшей школой. В свою очередь, сам философ принимает более взвешенную позицию, понимая, что «самые богатые академии и университеты – отнюдь не всегда те места, где наукой занимаются наиболее глубоко и благо разумно», в силу того, что «свободе опасность угрожает не только со стороны государства, но и со стороны самих учреждений, которые при своем возникновении приобретают определенный дух и впоследствии склонны подавлять проявление иного духа. Государство должно предотвратить и те недостатки, которые могут произрасти отсюда» [Там же].

К сказанному следует добавить, что идея академической свободы у немецких философов начала XIX в. имеет специфический характер, в основе которого лежат представления о научном познании как чистом стремлении к истине ради нее самой, окрашенном протестантской этикой, – то, что сегодня именуется классической научной рациональностью. По этой причине затруднительно переносить ценности немецкой идеалистической философии на чуждую ей почву современности, не принимая во внимание методологических оснований академической свободы.

Научное знание обладает в глазах Гум-

больдта высшей ценностью, но при этом не отрицается социальное значение университетской деятельности. «Университеты, – утверждает ученый, – по своей сути слишком тесно связаны с непосредственными интересами государства». Поэтому «если... в высших научных заведениях господствующим станет принцип стремления к науке как таковой, то и не нужно будет больше беспокоиться ни о чем другом отдельно... Тогда все требования внутренней стороны дела будут удовлетворены» [Там же].

Несколько иную модель взаимоотношений между университетом и его социальным окружением предложил спустя полстолетия Д. Ньюмен. Его идея католического университета также содержала высокую оценку академической свободы. «В занятии науками, где истина выявляется человеческим интеллектом, необыкновенно важно, чтобы исследователь был свободен, независим, чтобы действия его были не стеснены и чтобы он имел возможность беспрепятственно уделять все свое внимание, всю силу своего ума предмету исследования...» [9]. Но при этом Ньюмен фактически ставил университет в подчиненное положение по отношению к церкви, но не в смысле прямого контроля, а в мировоззренческом плане: «Католической церкви он (университет) содействует, во-первых, потому, что всякая истина содействует истине; во-вторых, и в еще большей степени, потому, что природа всегда будет воздавать должное Благодати, ведь разум – не более чем иллюстрация и апология Откровения; и, в-третьих, потому, что Церковь обладает высшей властью, и когда она говорит *ex cathedra*, то ей должно подчиняться» [Там же].

Аргумент Ньюмена в пользу абсолютной ценности академической свободы, широко воспроизводимый сегодня, неявно выражает клерикальное представление об ученых и их независимом статусе. Такое представление об академической свободе несет на себе отпечаток доминировавшего в Средние века образа служителя церкви как лица, хранимого не только земной

иерархией, но и «Высшими силами». Здесь следует принять во внимание, что теология в европейском сознании продолжает оставаться научной отраслью.

Таким образом, можно смело говорить о том, что *философия Гумбольдта утверждает академическую свободу ученого, непосредственно подчиняя деятельность университета как социального института государству, а философия Ньюмена, также утверждая академическую свободу, подчиняет университет и его научную деятельность, если не напрямую в управленческом отношении, то, по меньшей мере, в мировоззренческом плане – церкви.*

Итак, существование университетов в европейской истории в значительной мере определялось, с одной стороны, потребностями общества и необходимой финансовой и правовой поддержкой государства, а с другой – идеологическими и политическими интересами церкви и соответствующей легитимацией университетской практики.

Схематично, а потому неизбежно упрощенно можно обрисовать историческую взаимосвязь идей университетской автономии и академической свободы таким образом, что вплоть до XIX в. утверждалась *автономия без свободы*, а начиная с немецкой классической философии – *свобода без автономии*. При этом следует оговориться, что мы имеем в виду не действительное отсутствие академической свободы, скажем, в Средние века или реальный недостаток автономии в XIX в., но отсутствие соответствующей рефлексии и представлений об онтологической взаимосвязи академической свободы и университетской автономии.

Завершив исторический экскурс, мы предлагаем вернуться к текущей полемике, с тем чтобы прояснить основания, на которых строится современный дискурс.

Автономия как форма академической свободы. В настоящее время в суждениях относительно зависимости академической свободы от автономии учреждений высшего

образования доминируют представления, зафиксированные в авторитетных международных документах. Так, в Magna Charta Universitatum (Великой хартии университетов), подписанной на праздновании 900-летия Болонского университета 18 сентября 1988 г., указывается, что «университет... является автономным учреждением, которое критическим образом создает и распространяет культуру через научные исследования и образование. Чтобы адекватно реагировать на нужды современного мира, он должен иметь моральную и интеллектуальную независимость по отношению к любой политической и экономической власти, реализуя свою деятельность в области исследований и образования» [10]. Здесь выражена исторически оправданная мысль об академической свободе, когда автономия не наделяется каким-либо специфическим смыслом, отличным от академической свободы (эти два ключевых понятия употреблены синонимично).

Но уже в «Рекомендации о статусе преподавательских кадров учреждений высшего образования» (ЮНЕСКО, Париж, 11 ноября 1997 г.) безапелляционно фиксируется, что «право на образование, преподавание и исследовательскую деятельность может быть реализовано в полном объеме лишь в условиях академической свободы и автономии учреждений высшего образования» [11]. Отношения же между академической свободой и автономией закреплены так, что «автономия является институциональной формой академической свободы», и для того «чтобы надлежащим образом пользоваться академической свободой... учреждения высшего образования должны иметь автономию» [*Там же*]. В этом документе полагается начало содержательному различению и функциональному подчинению понятий автономии и академической свободы.

Итак, наиболее веским аргументом сторонников институциональной автономии учреждений высшего образования считается утверждение о неразрывной связи уни-

верситетской автономии и академической свободы. Тезис выстраивается таким образом, что идея автономии находит свое оправдание через стереотипно воспринимаемые ценности, в качестве которых выступают свобода, человеческие потребности, гражданское общество [12]. Аргумент при этом сводится к утверждению о том, что институциональная автономия учреждений высшего образования является необходимым условием реализации академической свободы. Автономия преподносится в качестве традиционной и даже системной ценности, получающей легитимность из-за той особой роли, которую она играет по отношению к академической свободе.

В качестве радикального утверждения, составляющего фундамент будущего единства и соподчинения свободы и автономии, можно привести слова известного ученого М. Полани: «любая власть, которая попытается централизованно управлять работой ученых, в конечном счете приведет науку к застою» [13]. Для того чтобы критически отнестись к этому, несомненно, сильному аргументу, необходимо вскрыть его гносеологические и социокультурные предпосылки.

В приведенном высказывании имплицитно содержится идея самоценности научной истины, восходящей к немецкой идеалистической философии. Здесь неявно утверждается, что знание не обязано иметь никакой иной ценности, кроме той, что заключена в нем самом. Идеал знания ради знания, действительно, служил мотивом для многих романтически настроенных ученых в XIX в., особенно сразу после основания Берлинского университета. Однако с тех пор научное знание приобрело невиданное для исследователей позапрошлого века социальное значение. Поэтому и формула «знание ради себя самого» подвергается в наши дни большому сомнению, особенно если принять во внимание не только социальную полезность науки, но и потенциальную, а в некоторых случаях и реальную опасность, исходящую от нее.

Одним из аргументов против широкого

самоуправления в науке является то сообщение, что результаты исследований в силу их внешнего финансирования в любой системе будут принадлежать заказчику, и в данном случае неважно, государство ли это или коммерческая корпорация. Знания в наши дни не принадлежат всецело ученым-одиночкам, а финансируются и присваиваются мощными экономическими институтами. Призыв к самоуправлению в науке, таким образом, это одно из возможных выражений неолиберальной политической доктрины, для утверждения плодотворности которой в академической сфере приводят примеры крайностей советского периода в истории отечественной науки. Об этом часто пишут наши западноевропейские и североамериканские коллеги, скромно умалчивая действительные достижения советской науки, с одной стороны, и идеологическое давление на ученых в своих странах в тот же период – с другой.

Итак, аргумент, согласно которому внешняя власть ведет к упадку в науке, в наши дни сомнителен в силу необходимости внешнего финансирования науки и общественного контроля за применением результатов исследований. При этом история развития науки показывает, что высокие достижения возможны как в случае опосредованного финансовыми рычагами управления, так и в случае прямого контроля со стороны государства. В этой связи мы не видим возможности подтвердить «правильность» выбора в пользу коммерческой собственности на стратегические результаты научных исследований в противоположность государственной, поскольку у государства, в отличие от рынка, есть прямые социальные обязательства.

В поддержку академической свободы также приводится аргумент, согласно которому рождение нового знания и его легитимация в научной среде возможны исключительно в условиях свободы обсуждения, критики авторитетов и отсутствия внешнего воздействия. Таким образом, «свобода обосновывается ее результатом –

получением нового знания и исправлением ошибок» [14]. Однако подобный довод относится к деятельности академического сообщества и основам его функционирования, но не служит обоснованием прав отдельного ученого и тем более не подтверждает необходимости самоуправления для вузовской организации.

Прагматические аргументы в пользу академической свободы утверждают, что высокоспециализированная деятельность ученого и/или преподавателя будет более эффективна, если она будет иметь независимый характер и выполняться самостоятельно. Слабое место подобных аргументов заключается в том, что они применимы также и ко многим другим требующим специализированных знаний сферам деятельности, будь то медицина, юриспруденция, информационные технологии и проч. Вправе ли представители этих сфер только на основании сложности своей деятельности требовать специального статуса и особых свобод? Кроме того, если речь идет об эффективности, то следует вести разговор и о критериях эффективности, и о тех, кто их устанавливает и использует, т.е. о социальном измерении академической деятельности. Исходя из последнего уточнения становится понятно, что данный тезис сам себя ограничивает.

Финансовая зависимость и, как следствие, ограничения автономии «лечатся», по довольно распространенному в наши дни мнению, диверсификацией источников дохода. Однако это средство кажется панацеей только на первый взгляд. Если проанализировать данный тезис более внимательно, то можно увидеть, что его реализация означает выход организации в пространство конкурентного рынка, что ведет к трансформации ценностно-целевых оснований деятельности. Администрация вуза, оказавшись в таких условиях, начинает руководствоваться целями, далекими от академических, а именно принципами эффективности и рыночной стоимости исследований в противоположность их истиннос-

ти, конкурентоспособности образования в противоположность его фундаментальности и проч. В силу указанных преобразований может быть ограничена академическая свобода не только отдельных ученых-преподавателей, но и целых академических сообществ, представляющих не приносящие желаемого дохода отрасли знания.

Для Болонского процесса идея автономии также является одной из ключевых. «Автономия университетов – основополагающий принцип, проходящий через все документы Болонского процесса» [1, с. 16]. Болонская декларация в прагматическом ключе утверждает, что «независимость и автономия университетов дают уверенность в том, что системы высшего образования и научных исследований будут непрерывно адаптироваться к изменяющимся нуждам, запросам общества и к необходимости развития научных знаний». Однако более определенно на вопрос о том, почему в рамках европейской научно-образовательной интеграции столь пристальное внимание уделяется автономии, дает ответ коммюнике «Общеввропейское пространство образования – достижение целей» (Берген, 19–20 Мая 2005 г.), в котором сказано, что «мы будем делать все возможное для обеспечения автономии институтов высшего образования, необходимой для осуществления согласованных реформ» [15]. Отсюда можно сделать далеко идущие выводы о том, что судьба болонских реформ напрямую зависит от степени государственного контроля. Это становится очевидным, если принять во внимание слова другого болонского документа – «Формирование будущего» (Саламанка, 29–30 марта 2001 г.): «Планы завершения создания Зоны европейского высшего образования останутся невыполненными или приведут к неравной конкуренции, если во многих странах будут осуществляться непосредственное регулирование, детальный административный и финансовый контроль, касающийся высшего образования» [16].

Таким образом, автономия в условиях

Болонского процесса может рассматриваться как двигатель реформ, но вовсе не в качестве оплота академической свободы.

Выводы

Проблема взаимоотношений университета и других социальных институтов особенно актуальна в наши дни в условиях вторжения рыночных отношений в деятельность высшей школы. Современная ситуация оригинальна в том смысле, что она касается новых отношений зависимости, в которые включен современный университет, когда на место интересов церкви пришли интересы институтов рынка.

Подводя итоги, можно сказать, что ключевой категорией, позволяющей устанавливать и регулировать взаимоотношения между высшей школой, властью и обществом, является *автономия*. Сегодня, так же как и многие столетия назад, самые разнообразные, подчас противоположные, силы призывают к освобождению университета от властного патернализма. Идею бескомпромиссной независимости университета отстаивал Жан-Поль Сартр, стратегию административной и хозяйственной автономии провозглашают современные неолибералы. Возможен ли компромиссный путь в отношениях между университетом и властью? На этот вопрос пока нет однозначного ответа. Одни видят его в утверждении самодостаточности «знания ради знания» [17], другие – в превращении университета в мощный политический институт [18]. Однако, как предупреждает Деррида, «будьте осторожны с тем, в силу чего Университет замыкается в себе и, переживая фантазмы этой замкнутости, способен послужить чьим угодно интересам или стать вообще бесполезным» [19].

История показывает, что достижение высокой степени автономии ведет университет к излишней изоляции от общества, а чрезмерная зависимость от политической или экономической власти превращает его в рядовой «полезный» институт.

Мы не отрицаем ценности автономии

учреждений высшего образования хотя бы в силу многообразия трактовок ее сущности, содержания и форм выражения, но показываем, что целесообразнее говорить об автономии как о сложном феномене, в содержании которого следует выделять академическую автономию, административную автономию и хозяйственную автономию как относительно самостоятельные элементы [2, с. 16].

Что же касается взаимозависимости автономии и академической свободы, то можно предложить следующие выводы.

Во-первых, исторически идея университетской автономии не была связана с представлениями об академической свободе.

Во-вторых, институциональная автономия может служить основой злоупотреблений в академической сфере и в таком случае прямо угрожать академической свободе.

В-третьих, отсутствие административной и хозяйственной автономии вовсе не обязательно влечет за собой ликвидацию академической свободы.

Таким образом, академическая свобода не может служить достаточным методологическим основанием для легитимации автономии учреждений высшего образования, что, впрочем, означает сохранение актуальности дальнейших исследований.

Литература

1. *Вербицкая А., Касевич В.* Институциональная автономия и проблема управления в высшем образовании // *Высшее образование в России*. – 2006. – №7.
2. *Гретченко А.* Автономизация вузов России и Болонский процесс // *Высшее образование в России*. – 2006. – №6.
3. См.: *Ле Гофф Ж.* Интеллектуалы в Средние века. – Долгопрудный, 1997. – С. 90.
4. *Денжуа Ж.* Истоки централизации и абсолютной власти в государстве // *Логос*. – 2003. – №6 (40). – С. 155.
5. См.: *Kwiek M.* The Classical German Idea of the University Revisited, or on the Nationalization of the Modern Institution // *Center for Public Policy (CPP) Research Papers*

- Series. – 2006. – V.1. – <http://www.cpp.amu.edu.pl/publications.htm>
6. См.: Гельмгольц Г. Об академической свободе в немецких университетах // Отечественные записки. – 2003. – № 6 (15).
  7. Гумбольдт В. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине // Неприкосновенный запас. – 2002. – № 2 (22).
  8. Бикбов А. Философское достоинство как объект исследования // Логос. – 2004. – № 3–4 (43). – С. 45.
  9. Ньюмен Д. Христианство и научные изыскания // Отечественные записки. – 2003. – № 6(15).
  10. Великая хартия европейских университетов // Центр образовательного законодательства. – http://www.lexed.ru/mpravo/razdel7/part2/?part2_01.html
  11. Рекомендация о статусе преподавательских кадров учреждений высшего образования // Центр образовательного законодательства. – <http://www.lexed.ru/mpravo/razdel2/?doc18.html>
  12. См.: Шафранов-Куцев Г.Ф. Университеты и формирование гражданского общества в России // Вестник Тюменского государственного университета. – 2005. – № 3.
  13. Polanyi M. The republic of science: It's political and economic theory // Minerva. – L., 2000. – Vol. 38. – № 1. – P. 3.
  14. Moodie G. On justifying the different claims in academic freedom // Minerva. – L., 1996. – Vol. 34. – № 2. – P. 139.
  15. Общеевропейское пространство образования – достижение целей // Национальный офис программы Темпус в России. – <http://www.tempus-russia.ru/bolon1.htm>
  16. Основные документы Болонского процесса // Образование: философия, история, право, экономика. – М., 2005. – С. 249.
  17. См.: Душин О.Э. Университеты и власть: от Средних веков к современности // Образование и насилие: Сб. статей / Под ред. К.С. Пигрова. – СПб., 2004. – С. 192.
  18. См.: Ушакин С.А. Университеты и власть // Общественные науки и современность. – 1999. – № 2. – С. 64.
  19. Деффрида Ж. Университет глазами его питомцев // Отечественные записки. – 2003. – № 6(15).

В. ГАВРИЛОВ, вице-президент
Ассоциация московских вузов
В. КОЛЕСНИКОВ, ректор
Ростовский государственный
университет путей сообщения
Е. ОЛЕСЕЮК, профессор
Исследовательский центр проблем
качества подготовки специалистов
А. ШУЛУС, ректор
Академия труда и социальных
отношений

С истечением срока президентских полномочий В.В. Путина приходит пора подведения итогов его восьмилетнего пребывания у власти. Деятельность В.В. Путина на посту Президента Российской Федерации привела к формированию целого пласта документов и материалов, имеющих важное историческое значение. Они стали его творческим наследием, без научного исследования которого нельзя понять особенностей развития России в последнее десяти-

Изучаем творческое наследие президента

летие и её места в современном сложном и беспокойном мире. В многогранной деятельности президента явно выделяются два наиболее важных направления, в которых находит выражение суть проводимой им внешней и внутренней политики. Это укрепление государственности, во-первых, и развитие системы образования вообще и высшей школы в особенности, во-вторых.

Замечено, что В.В. Путин не упускал случая встретиться с представителями ву-